

Романова Т. В.
Нижний Новгород, Россия
**КОММУНИКАТИВНЫЙ ИМИДЖ
И РЕЧЕВОЙ ПОРТРЕТ
СОВРЕМЕННОГО ПОЛИТИКА**

УДК 811.161.1'06:32

ГСНТИ 16.21.27, 16.21.29

Код ВАК 10.02.01

Аннотация. В статье представлено сравнительно-сопоставительное содержание понятий «коммуникативный имидж» и «речевой портрет» и показана методика их анализа на примере текстового материала, рожденного в рамках политической коммуникации Нижегородского региона России. Понятие «коммуникативный имидж» раскрывается при анализе автобиографической книги (в жанре политической исповеди) Б.Е. Немцова «Исповедь бунтаря», понятие «речевой портрет» - при анализе публичной речи С.В. Кириенко.

Ключевые слова: коммуникативный имидж, речевой портрет, автоимидж, речевые стратегии и тактики.

Сведения об авторе: Романова Татьяна Владимировна, доктор филологических наук, профессор кафедры русской филологии и общего языкознания.

Место работы: Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова.

Контактная информация: 603074, г. Н. Новгород, ул. Куйбышева, д. 35, к. 77.

E-mail: philfac@lunn.ru (для Романовой Т.В.); soling@lunn.ru (для Романовой Т.В.).

Romanova T. V.
Nizhniy Novgorod, Russia
**THE COMMUNICATIVE IMAGE
AND LINGUISTIC PORTRAIT
OF A CONTEMPORARY POLITICIAN**

Abstract. The article reveals the contents of such concepts as “communicative image” and “linguistic portrait” in their comparison and describes the method of the analysis by the example of texts, belonging to the sphere of political communication of Nizhniy Novgorod region (Russia). The concept of the “communicative image of the politician” is discoursed through the analysis of an autobiographical book by B.E. Nemtsov “Confessions Of A Rebel” (in the genre of political confession); the concept “linguistic portrait” is discoursed through the analysis of public speeches by S.V. Kirienko.

Key words: communicative image, linguistic portrait, autoimage, linguistic strategies.

About the author: Romanova Tatyana Vladimirovna, doctor of philology, professor of the chair of Russian philology and general linguistics.

Place of employment: Nizhniy Novgorod State Linguistic University after N.A. Dobrolubov.

Одной из сфер приложения политической лингвистики в современной науке является изучение мышления политиков по языковым данным. При анализе речи политиков наиболее востребованными являются термины «коммуникативный имидж» и «речевой портрет». В данной статье мы представим содержание данных понятий и методику их анализа на примере текстового материала, рожденного в рамках политической коммуникации Нижегородского региона России.

Имидж (от англ. image – образ) в широком понимании – это обобщенный портрет личности, создающийся в представлении общественности на основании заявлений и практических дел личности. Имидж возникает только тогда, когда носитель имиджа становится «публичным», то есть когда есть субъекты его непосредственного или опосредованного восприятия. Имидж выступает своего рода посредником между политиком и массой. Люди воспринимают именно образ, постоянно воспроизводимый самим субъектом и средствами коммуникации, – «определенные черты, качества лидера, взятые в единстве политических, мировоззренческих, биографических, внешних качеств, резонирующих в предпочтениях электората» [Гордеева 1993: 17]. Имиджу приписывают три основные коммуникативные функции. Первая – облегчить аудитории восприятие информации о политике: «Массовое сознание не может воспринять всю сумму информации о нем, но с радостью согласно получать ключе-

вую информацию, задающую все основные с его точки зрения параметры, характеризующие лидера» [Почепцов 1997: 66]. Вторая функция – обеспечить режим наибольшего благоприятствования восприятию личности политика, проецируя на аудиторию те его характеристики, которые являются наиболее предпочтительными в конкретной электоральной среде. Третья функция – подготовить почву для формирования установок на избрание именно этого кандидата. «Мы должны быть достаточно точными в этом пункте: выбор определяется имиджем, а не человеком, поскольку 99% избирателей не имеют контактов с ним. Важно не то, что он собой представляет, а то, что проецируется, и, если быть точным, – не то, что проецируется, а то, что избиратель получает. Не человека мы должны менять, а получаемое впечатление» [Price 1970: 204], – так определяли стратегию своих действий организаторы избирательной кампании Р. Никсона в 1968 году. Структура имиджа политика подвижна и включает в себя постоянно взаимодействующие элементы: характеристики политического лидера – биологические, психологические и политические, поле жизнедеятельности, его цели; идеальный имидж; сообщения – вербальные и невербальные знаки; социальное ожидание; социальный заказ и т.п. Под **коммуникативным имиджем** понимают долговременную коммуникативную роль человека [Стернин 2001: 100]. Коммуникативный имидж связан с внешним и поведенческим имиджем. Важной составляющей комму-

никативного имиджа является автоимидж. **Автоимидж** как одна из составляющих понятия «имидж», с одной стороны, и как разновидность имиджа, с другой, представляет собой образ, сложившийся в сознании индивида, отражающий представления личности о своем собственном «я». Автоимидж определяется как «национально и гендерно маркированный образ «Я», сложившийся в сознании индивида как собственно личности, так и представителя института» [Даулетова 2004: 199-205]. Он является одной из составляющих понятия «имидж», однако, взятый в качестве основного объекта исследования, он приобретает глубину, многогранность и автономность, что выражается в его уникальной структуре (3 компонента: «собственно Я», «Я со стороны» и «Я идеальное») и вербальных средствах его выражения. Каждая составляющая представлена своим набором языковых (лексических, грамматических, синтаксических) и речевых (стратегий, ходов, тактик) средств реализации.

Рассмотрим процесс создания коммуникативного образа политика на примере книги Бориса Немцова «Исповедь бунтаря» [Немцов 2007 (все примеры даются по настоящему изданию с указанием страниц)]. Жанровую принадлежность данной книги можно определить как политическую исповедь. Основной задачей жанра выступает осуществление акта коммуникации между автором / адресантом и читателем / адресатом. В политических исповедях прослеживаются коммуникативная цель (эксплицитная – пролить свет на ход исторических событий; имплицитная – скорректировать или реанимировать свой публичный имидж), очерчено коммуникативное прошлое (рефлексивная ретроспекция имевших место событий профессиональной и частной жизни автора) и будущее (изменение отрицательных и усиление положительных диспозиций адресата по отношению к персоне автобиографа), воплощено событийное содержание (проникновение интимного в социальное и наоборот, связь настоящего с прошлым и будущим), введен определенный языковой формат (литературный язык с элементами разговорно-бытовой лексики и политической терминологии).

В книге Бориса Немцова явно просматривается коммуникативная цель скорректировать и реанимировать свой имидж. Моделируя свой коммуникативный имидж, автор выбирает для себя ряд коммуникативных ролей. Доминантой имиджа является роль **оппозиционера**. Самоподача в основном осуществляется эксплицитно: «Я являюсь оппонентом, оппозиционером, как угодно можно назвать, нынешней власти в России, потому что дорожу своей личной свободой и свободой вообще» (с. 70); «К тому же Немцов – оппозиционер» (с. 120). Имплицитная самоподача опознается по критике действующей власти и по противопоставлению себя ей: «Путин пограл все фундаментальные ценности, за которые мы боро-

лись, и мы не можем быть его сторонниками» (с. 80); «Я мог представить все что угодно, но чтобы Путин в момент, когда в центре Москвы взяты заложники думал о чужих рейтингах и популярности – никогда» (с. 134); «Сегодня в нем многие разочаровались. А вот я никогда не поддерживал Путина» (с. 55). Доминанта **оппозиционер** не исключает, а, скорее, предполагает другие составляющие имиджа, или микророли, например, **молодой реформатор**: «Меня до сих пор называют молодым реформатором» (с. 5); «Молодой, амбициозный и бескомпромиссный. Реформы превыше всего» (с. 22); «Небольшое число людей идет во власть, чтобы что-то сделать, изменить мир и страну. Я наивно пытался изменить мир» (с. 30). **Борец за свободу**: «Я критикую Путина и нападаю на него, потому что он хочет украсть мою свободу» (с. 70); «На знаменах СПС написано: "Свобода, собственность, законность!"» (с. 80); «Человек должен быть свободен» (с. 165). **Борец за социальную справедливость**: «Я выплачиваю 150 стипендий детям из Нижнего Новгорода. Плачу стипендию учителям в школе, которую сам закончил» (с. 167). Кроме того, следует отметить как факультативные составляющие имиджа следующие микророли: **заботливый сын** («Вообще я считаю, что все то хорошее, что у меня есть, – все от моей матери. Мне с ней сильно повезло. Главное, чтобы она не болела и чувствовала себя нормально» – с. 183); **любящий отец** («Я горжусь тем, и это, наверное, моя одна из самых серьезных удач в жизни, что у меня четверо достойных, симпатичных, приличных детей» – с. 178; «Я очень люблю всех своих детей и хорошо отношусь ко всем своим женам. Все дети, которые от меня родились, родились в любви» – с. 174); **человек, ведущий здоровый образ жизни** («У меня есть и собственные стимулы для здорового образа жизни – ответственность перед своими детьми и их мамами. Нельзя быть больным, не могу себе позволить стать беспомощным» – с. 50). Каждая из этих микроролей выполняет тактическую задачу построения достоверной модели личности (доминанта не обеспечивает восприятия личности как реальной, нужны специфические штрихи и краски, придающие портрету сходство с оригиналом).

Как уже было отмечено выше, автоимидж состоит из трех элементов: «собственно Я», «Я со стороны» и «Я идеальное». «Собственно Я» подразумевает реальную оценку индивидом себя. Оно состоит из осознанного восприятия и ценностей «Я». Информация о восприятии себя самого, которую автор пожелал обнародовать, как правило, передается набором определенных языковых средств. В рассматриваемой книге Бориса Немцова зафиксированы следующие формальные и семантические приемы, с помощью которых автор ставит читателя в известность о своем взгляде на **«собственно Я»**:

I. Формальные показатели.

1. Личное местоимение «я» + набор характеристик («Я – далеко не святой, нет» – с. 144;

«Я абсолютно не домашний человек» – с. 183; «Я человек общительный, мне интересны разные люди, контакты и так далее... Со мной жить тяжело. Я человек публичный, мне всегда нужны новые впечатления» – с. 183; «Я был достаточно закаленным бойцом» – с. 67).

2. «У меня есть / у меня нет» + перечень личных и деловых качеств («Но "звездной" болезни точно не было» – с. 32; «У меня есть и собственные стимулы для здорового образа жизни – ответственность перед своими детьми и их мамами. Нельзя быть больным, не могу себе позволить стать беспомощным» – с. 50).

3. Предикаты внутреннего состояния любить / не любить, переносить / не переносить, интересоваться / не интересоваться, хотеть / не хотеть («Но в то же время не хочу возвращаться в политику и во власть любой ценой» – с. 5; «... не хочу жить в стране победившего бандитского капитализма» – с. 22; «Я не хочу и не стремлюсь попасть во власть любой ценой, для меня власть не является пределом мечтаний» – с. 30; «Я не так сильно люблю власть, чтобы адаптироваться к чекистам, коммунистам или националистам» – с. 35; «Чиновником я быть не хотел» – с. 63; «Я лично ненавижу лицемеров и лгунов, которые на публике ведут себя совершенно иначе, чем в узком кругу» – с. 170; «И я не хочу постоянно обманывать близких мне людей» – с. 177). Выстраивается образ честной личности, для которой власть не является главной целью в жизни.

4. Модальные глаголы способности («К 43 годам я научился лучше разбираться в людях и представлял, кто есть кто, мог отличить недруга от друга, товарища от приятеля или просто хорошего человека» – с. 70).

5. Идентификация «своих» через интегрирующие местоимения «мы», «наше» («Поскольку фактов коррупции или злоупотребления служебным положением наши враги обнаружить не могли, то ОРТ и НТВ били по определенным имиджевым точкам» – с. 24; «Путин пограл все фундаментальные ценности, за которые мы боролись, и мы не можем быть его сторонниками» (с. 80); «При этом он как бы и демократов не трогает, он нас не боится. Он считает, что за нами нет силы, нет людей. Это первое. Если за нами будет огромная сила, миллионы людей тогда будет бояться» – с. 119). Через указание своей принадлежности к той или иной группе происходит автоматическое включение качеств, свойственных группе, в структуру «Я» индивида. В данном случае Немцов указывает на свою принадлежность к оппозиционному демократическому движению.

6. О себе в 3-м лице («С Немцовым им было все ясно» – с. 53; «Немцов может кричать на Майдане, что союз чекиста с рецидивистом – это извращение. Кремль это раздражает, но не подвигает на действия – Немцов имеет право, он политик. У него профессия. К тому же Немцов – оппозиционер» – с. 120; «Немцов ничего не украл, у него нет миллиардов, мы ему ничего не давали, он нам ничего

не должен. Он кричит, но это его профессия, что с ним делать?» – с. 120).

II. Содержательные признаки (семантика языковых средств и содержание речевых приемов).

1. Присоединение / уподобление («Небольшое число людей идет во власть, чтобы что-то сделать, изменить мир и страну. Я наивно пытался изменить мир» (с. 30)).

2. Противопоставление / контраст («Я никого из них не осуждаю, они – другие. Их воспитывали на иных, для меня неприемлемых принципах. Им нравится вылизывать вышестоящего начальника, ну а я не испытываю ни малейшего желания это делать и тем более получать от этого удовольствие. Они никогда не станут рисковать своим положением ради правды, а для меня чистая совесть важнее хлебного места» – с. 116; «В принципе, власть – это таз с нечистотами, от которого исходит неистребимое зловоние. В этот таз помещают людей. Одни в нем быстро растворяются и становятся частью этой зловонной массы, а другие в силу каких-то генетических или иных особенностей существуют в политике, барахтаются в тазу с нечистотами, им вся эта суeta и подлость неприятна, но внутрь, в души этих политиков зловоние не проникает» – с. 153).

3. Выражение жизнеформирующих принципов, ценностей, приоритетов («Как спастись от развращения, как защитить себя от подкупа и позора? Рецепт один: все должно быть максимально честно и открыто» – с. 160; «Есть несколько составляющих счастья – свобода, здоровье, материальное благополучие. Если ты хочешь быть счастливым, то должен думать о первом, втором и третьем. Я исхожу из следующего принципа: надо тратить деньги на близких и на себя, просто не хочу превращать жизнь в зарабатывание денег. Я зарабатываю деньги, чтобы жить, а многие мои товарищи-бизнесмены живут, чтобы зарабатывать деньги» – с. 165; «Свобода – фундаментальная ценность» – с. 177; «Для нормальной и полноценной жизни необходимо всего-то сила воли и стимул. Главное – любить жизнь, и тогда все получится!» – с. 210).

4. Приемлемая / неприемлемая роль («Чиновником я быть не хотел. Чиновник живет по неким внутрикорпоративным и, на мой взгляд, часто непристойным правилам. Зачастую он должен покрывать беспредел, воровство и вранье. Это не по мне» – с. 63).

5. Указание на слабые / сильные стороны («Должен признаться, в людях я разбираюсь не очень хорошо. Можно даже сказать, что плохо разбираюсь. Проблема – излишняя доверчивость» – с. 31; «Альфред Кох часто подкалывает меня: мол, кадровая политика – не самая сильная сторона Немцова. Признаю» – с. 32).

«Я со стороны» представлено в книге Немцова двумя разновидностями показателей: а) лексико-грамматическими, синтаксическими; б) прагматическими.

I. Первая разновидность показателей включает в себя текстовые реминисценции в виде определенных средств объективации.

1. Прямое цитирование устных высказываний / характеристик / ремарок («В конце [Ельцин] произнес примерно следующее: "Они – никто, я их знать не знаю. Вы – правительство"» – с. 25; «Спустя несколько лет я совершенно случайно столкнулся с Доренко в аэропорту Нью-Йорка. "Я же киллер. Тебя заказали", – добродушно пояснил Доренко» – с. 26; «Когда Путин стал президентом, и мы еще сохраняли нормальные отношения, он сказал: "Знаешь, в чем была ваша ошибка? Вы ведь тогда боролись с реальными властителями. Не имея достаточно власти, вы боролись с теми, от кого эта власть зависела. Надо было сначала получить власть, а потом бороться с олигархами"» – с. 28).

2. Стилизация под прямую речь («В результате они ходили к Ельцину и постоянно жаловались: мол, Немцов скандальный, с ним невозможно договориться и прочее» – с. 24).

3. Стилизация под косвенную речь («Вот ты, Немцов, – разрушитель государства, потому что, когда на Дубровке террористы захватили людей, ты говорил, что важно, чтобы все люди остались живы. А мы говорили, что важно, чтобы Россия сохранилась. Что для тебя важнее: эти несчастные 129 убитых или судьба Родины?» – с. 119; «Когда я вышел из зала, ко мне подошел человек с белесыми глазами и сказал, что за такие речи меня надо убить... Это был Рамзан Кадыров» – с. 130; «Он [Ахмад Кадыров] ... сказал, что уважает меня...» – с. 130).

II. Ко второй разновидности можно отнести следующие приемы:

1. Упоминание своих прозвищ и ярлыков, сформировавшихся в массовом сознании («молодой реформатор»).

2. Языковая фиксация реакции аудитории («Покойный Ахмад Кадыров пригласил меня в президиум и дал слово. Я сразу предупредил, что буду выступать с не очень популярных позиций. Сразу же по залу пошел угрожающий гул, хотя я еще толком ничего не успел сказать» – с. 129).

3. Кроме того, «Я со стороны» представлено в книге **послесловием**, написанным известным журналистом Павлом Шереметом. В нем Шеремет высказывает свое мнение по поводу личности Немцова и дает положительную оценку его личным и профессиональным качествам.

Третья составляющая автоимиджа **«Я идеальное»** реализуется в речи Бориса Немцова с помощью ряда речевых стратегий и тактик. «Я идеальное, гармонизирующее» реализуется в «Исповеди бунтаря» посредством стратегии «автоидеализации», а «Я идеальное прагматическое» – с помощью стратегии «автопрезентации».

I. Стратегия автоидеализации представлена следующими коммуникативными ходами:

1. «У меня есть нечто, что я хотел бы сохранить в себе». Данный коммуникативный ход отражает положительную оценку адресан-

том своих качеств, убеждений, позиций. В книге его успех обеспечивают следующие маркеры причастности: **а) позитивно окрашенные наречия** (приятно, интересно); **б) предикаты долженствования** (важно, необходимо, нужно, надо); **в) сослагательное наклонение** (не чувствовал бы себя).

2. «У меня есть нечто, что меня не устраивает в себе». С помощью этого коммуникативного хода осуществляется отрицательная оценка негативных и вызывающих субъективное неодобрение составляющих личности автора. В «Исповеди бунтаря» к языковым средствам, помогающим реализовать проекцию обозначенной оценки, относятся маркеры отчужденности, а именно: **а) устойчивые выражения** (не по мне, не мое); **б) прилагательные с отрицательной оценкой** (скандальный, раздраженный); **в) существительные с отрицательной коннотацией** (слабость, страсть).

3. «У меня нет чего-то, что я хотел бы иметь». Данный коммуникативный ход указывает на те качества и черты личности, которые ей не присущи, но необходимы для личностного душевного равновесия, для удовлетворения собой. В книге автор заявляет о пожеланиях самому себе с помощью следующих средств: **а) предикатов внутреннего состояния** (сожалею, хочу); **б) сослагательного наклонения** (вел бы иначе).

4. «У меня нет чего-то, что мне не нравится». Этот коммуникативный ход дает автору возможность заявить об отсутствии в своей концепции автоимиджа определенных, как правило негативных, черт. Такого рода посыл передается в произведении с помощью предиката *хотеть* с отрицательной частицей *не* или его синонимического коррелята *не иметь желания*, которые могут усиливаться наречиями-абсолютами *совсем, никогда* («Я не хочу постоянно обманывать близких мне людей»; «Я никогда к ним не адаптируюсь»).

II. Стратегия «идеальной автопрезентации» направлена на манипуляцию общественным мнением. Данная стратегия представлена двумя речевыми тактиками, позволяющими реализовать прагматический аспект «Я идеального»: тактикой соответствия адресату и тактикой самовозвеличивания.

1. Суть первой тактики заключается в спекулировании на предрасположенности адресата верить знакомому, родному. С этих позиций Немцов применяет следующие приемы: **а) ссылки на личный опыт**, в основном неудачный, с апелляцией к чувству жалости и сочувствия («... угробил кучу времени, совершил массу ошибок и потратил впустую много денег на пути к здоровому образу жизни»); **б) концепты высших общечеловеческих ценностей** (семья, свобода, счастье).

2. Вторая тактика (самовозвеличивание) основана на принципе вежливости, в частности, на максиме скромности (*modesty maxim*). Ее

суть заключается в том, чтобы минимизировать похвалу себя и максимизировать неудовлетворенность собой. Данный смысл реализуется с помощью следующих приемов: **а) слова-минимизаторы «некоторые / несколько»;** **б) вкрапления в автобиографический политический дискурс педагогического** с помощью деонтической модальности («В общем, помните: опоздание – проявление крайнего неуважения к людям»), авторских афоризмов («Здоровый политик – здоровые мысли, смелые поступки»).

Нужно отметить, что автор использует различные речевые стратегии и тактики не только при создании автоимиджа. Очевидно, что политические интересы автора требуют положительной презентации партии и самой личности лидера. Так, Б. Немцов в своей книге активно использует **стратегию самопрезентации**, то есть представление себя в привлекательном, выгодном свете. Для этого он использует ряд речевых тактик.

1. Тактика кооперации. Автор указывает на свою принадлежность к оппозиции, к демократам с помощью личного местоимения «мы» («При этом он как бы и демократов не трогает, он нас не боится. Он считает, что за нами нет силы, нет людей. Это первое. Если за нами будет огромная сила, миллионы людей тогда будет бояться» – с. 119).

2. Тактика размежевания. Немцов противопоставляет себя действующей власти («Я являюсь оппонентом, оппозиционером, как угодно можно назвать, нынешней власти в России» – с. 69), чиновникам и конформистам («Я не так сильно люблю власть, чтобы адаптироваться к чекистам, коммунистам или националистам. Я к ним не адаптируюсь. Никогда» – с. 35).

3. Тактика самооправдания. Борис Немцов указывает на свои ошибки, но находит для них объяснение и оправдание («Но я до сих пор не знаю, правильно ли я тогда поступил. С одной стороны, надо было идти на переговоры, чтобы меня не обвинили в трусости. С другой – я понимаю, что не слушать президента в ситуации чрезвычайного положения, когда все на грани, недостойно и не по-государственному» – с. 135; «Я был женат три раза. С точки зрения выстраивания политического имиджа это неправильно, но сердцу и телу не прикажешь. Я очень люблю всех своих детей и хорошо отношусь ко всем своим женам. Все дети, которые от меня родились, родились в любви» – с. 174).

4. Тактика самокритики. Немцов делает акцент на том, что, как и любому простому человеку, естественно совершать ошибки («Очевидно, что в 2003 году мы допустили ряд серьезных, роковых ошибок» – с. 68).

Наиболее ярко в книге «Исповедь бунтаря» представлена **стратегия дискредитации**. Причем, для речи Немцова характерна эксплицитная подача негативной информации о своих

противниках. Данная стратегия реализуется в следующих тактиках:

1. Тактика открытого обвинения («Путин поправ все фундаментальные ценности, за которые мы боролись» – с. 80).

2. Тактика осмеяния. Данная тактика реализуется с помощью таких речевых ходов, как: **а) использование метафоры** («Партийное образование под названием "Единая Россия" – это динозавр, у которого тело большое, а мозг маленький» – с. 113), **б) языковая игра** («Таким же хвостом головастика может стать "Справедливая Россия", которая образовалась в результате слияния "Партии жизни" с "Партией пенсионеров" и "Родиной". Иногда это образование так и называют – "Партия РоЖи" (родина и жизнь)» – с. 113). Также автор использует **прием закавычивания** как демонстрацию иронического отношения («Есть три грандиозных "достижения" Путина, за которые страна его еще вспомнит недобрый словом» – с. 57).

3. Тактика разоблачения. Борис Немцов рассказывает читателям про личные мотивы, которыми был движим Путин во время теракта на Дубровке («Проблема заключалась в популярности. "Ты представляешь, какая у тебя была бы популярность? А Лужков вообще превратился бы в стопроцентного кандидата на президентское кресло", – просто сказал Волошин. Я мог представить все что угодно, но чтобы Путин в момент, когда в центре Москвы взяты заложники думал о чужих рейтингах и популярности – никогда» – с. 134).

4. Тактика анализ-«минус». Уже упомянутую ситуацию с терактом на Дубровке Б. Немцов анализирует, выражая свое негативное отношение к участникам событий.

Итак, коммуникативный имидж политика создается с помощью разнообразных речевых и языковых средств. В книге Б.Е. Немцова «Исповедь бунтаря» имидж автора структурируется через роли, которые он для себя выбирает. Среди них можно выделить доминантные и факультативные микророли. Особое внимание уделяется созданию автоимиджа и вербальным средствам его создания. Кроме того, стратегии и тактики, реализованные в речи автора, характерны для политического дискурса в целом и также являются средствами создания речевого имиджа Бориса Немцова.

Понятие речевого портрета носителя языка или речевого портрета группы носителей языка не ново в лингвистике. Толчком к разработке понятия «социально-речевой портрет» явилась идея фонетического портрета, выдвинутая в середине 60-х годов XX века. М.В. Пановым и воплощенная им в ряде фонетических портретов политических деятелей, писателей, ученых XVIII-XX вв. Идея речевого портрета подхвачена другими учеными: [Ерофеева 1990, Земская 1990, Николаева 1991, Китайгородская, Розанова 1995] и т.д.

Выбирая «модель» для создания фонетического портрета, М.В. Панов обосновывает свой выбор именно социальными и социокуль-

турными соображениями: принадлежность к тому или иному поколению, социальному слою, следование в речи определенной культурной традиции (театральной, поэтической, бытовой и т.п.), наличие в речи локальных особенностей.

Предлагаемая нами методика анализа речевых портретов представителей разных социальных групп, с одной стороны, содержит своего рода «диагностирующие пятна» – социально маркированные способы выбора и употребления языковых средств и особенности речевого поведения («излюбленные» приемы и тактики), с другой стороны, претендуют на анализ языковой личности, под которой принято понимать базовый национально-культурный прототип носителя определенного языка, своего рода «семантический фоторобот», составляемый на основе мировоззренческих установок, ценностных приоритетов и поведенческих реакций, отраженных в словаре, языке личности. Характеристика языковой личности предполагает анализ ее вербально-семантического, лингвокогнитивного (тезаурусного), мотивационно-прагматического (деятельностного, стратегии и тактики) уровней.

Речевые портреты политиков можно представить с помощью методик контент-анализа, интент-анализа, дискурс-анализа, а также с помощью психолингвистических методик.

В данной публикации мы сочли возможным остановиться на речевом портрете бывшего полномочного представителя Президента РФ в Приволжском федеральном округе, ныне главы «Росатома» Сергея Владиленовича Кириенко, так как собственно лингвистический материал не теряет своей актуальности и «вписывается» в характеристику регионального политического дискурса.

Источниками речевого материала являются официальный сайт Пресс-службы полномочного представителя Президента РФ в ПВО, on-line интервью, интервью сетевому изданию «Газета.Ru», интервью газете «Ведомости», радиостанциям «Маяк» (09.11.05), «Эхо Москвы» (28.06.04), программам «Страна и Мир» телеканала НТВ (05.07.04), «Завтрак с Соловьевым» телеканала ТВС (ноябрь 2005 г.).

В первую очередь, следует отметить, что интервью в радио- и телеэфире представляет – в той или иной степени – неподготовленную речь интервьюируемого. Разумеется, собеседникам может быть заранее известен предмет разговора, общая его схема и т.п., однако в самом широком смысле речь все же остается неподготовленной. В этой связи – в качестве наиболее очевидной ее особенности – можно отметить различные явления эмоционального характера: эмфатические повторы, множественное употребление вводных конструкций, не всегда правильное синтаксическое оформление речи и др. Например:

Повторы: (1)

– *«Наверное, в том, что впервые не государство само себя защищало, не государственная власть..., а сам народ»* – синонимический повтор для усиления антитезы государство-народ;

– эмфатический повтор

«И еще одна важная вещь. Люди, которые возглавили это ополчение, не собирались сами заниматься никакие руководящие посты. Ни Козьма Минин, ни Пожарский не собирались становиться ни царями, ни занимать никакие руководящие посты»;

«Мне кажется, что тогда россияне доказали свое право быть единой страной, единым государством»;

«Поэтому сейчас восстановлен храм, восстановлен полностью деньгами благотворителей»;

«...мне кажется, что, действительно, тот пример, который наши предки дали нам в 1612 году, он сегодня нужен, нужен просто потому, что...» (хиазм, стык);

«Это форум, на который собираются различные благотворители» («Маяк»).

[Здесь и далее сохранены орфография и пунктуация источника – Т.Р.]

Еще одна особенность речи С.В. Кириенко состоит в том, что он пытается логически выстраивать свою речь, связно, последовательно аргументировать, доказательно возражать и т.п., или, по крайней мере, его речь претендует на это. Так, например, в ряде случаев полпред пытается логично построить свое высказывание, для чего использует вводные слова *во-первых, во-вторых* и т.д., но после первого же из перечисленных пунктов он либо отвлекается на что-либо другое, либо чрезмерно углубляется в рассуждение о том, что прозвучало под *во-первых* и зачастую, таким образом, логика построения высказывания обрывается, синтаксическая конструкция высказывания остается незавершенной, и слушатель никогда не узнает, что должно было прозвучать *во-вторых*. При этом говорящий все же достигает своей цели: его аргументы, высказывания звучат веско, убедительно; использование конструкций с *во-первых*, хотя в данном случае и ложное, создает впечатление, что полпреду есть что сказать, что он обдуманно, со знанием дела отвечает на вопросы. Например:

«Что касается нужности сегодня этого праздника, мне кажется, что, действительно, тот пример, который наши предки дали нам в 1612 году, он сегодня нужен, нужен просто потому, что, во-первых, тогда спасение государства было делом не государственных чиновников, а народа. Вот это очень важно в России» (конец реплики);

«Во-первых, это не просто ложь, а это уже такая наглая ложь» («Маяк») (далее следует довольно развернутая реплика, но что имелось в виду «во-вторых», полпред так и не упоминает).

Встречаются и случаи формального отсутствия первой части конструкции при наличии второй, например:

«Принципиально важно качество и скорость. Кроме 9 миллиардов огромных инвестиций, это,

кстати, и работа, и заработная плата, и подряд для организаций, которые работают во Владимирской области и в Нижегородской, по которым идет эта дорога. Но самое главное – скорость. Вот каждый, кто пробовал проехать раньше по дороге Москва – Нижний Новгород, знает, что это минимум 5,5 – 6 часов. Ну а если зимой и там с гололедом не повезет, то можно было и 7 – 8 часов проехать. Сегодня это гарантированные 4 часа. Вот таких, это безопасность» («Маяк»).

Обращает на себя внимание частое употребление С.В. Кириенко слова *важно* и однокоренных с ним. Так, в интервью радио «Маяк» это слово употреблено 16 раз.

Рассмотрим конструкции и сочетания, в которых оно встречается:

«И еще одна важная вещь...»; «3 ноября – важное событие – открытие дороги Москва – Нижний Новгород, дороги, которая делана по европейским стандартам... Это важнейший подарок для Нижнего Новгорода»; «Кстати, я в перечне событий, которые происходят в эти дни в Нижнем Новгороде, не назвал важнейшее событие – это форум социального действия»; «Идут с подарками, идут со своей помощью. И очень важно, чтобы это, конечно, было не только в день 4 ноября»; «И я все-таки считаю, что это не только день славы российского оружия, хотя и это, конечно, очень важно»; «...Такой символ очень важный»; «Ведь для нас принципиально важно, чтобы...»; «Принципиально важно качество и скорость»; «Вот очень важно, например, что в этой программе...»; «Дальше – родовспоможение – важнейший проект, который...»; «Кстати, крайне важно, что сама женичина выбирает роддом...»; «Для нас это особенно важно, ...»; «Вот это очень важно в России»; «Кстати, для нас, не удержусь, скажу, это особенно важно, потому что сам заказ этих автомобилей в основном придется на автомобильные заводы Поволжья».

Из вышеприведенных примеров видно, что С.В. Кириенко, с одной стороны, употребляет прилагательное *важный* и форму его превосходной степени *важнейший* в сочетании с такими существительными как *событие, проект, работа* и т.п., для того, чтобы усилить звучание своей мысли, наиболее явно подчеркнуть значимость упоминаемого, расставить свои приоритеты. С другой стороны, все эти *важно* в конструкциях «для нас / это очень / особенно / принципиально важно, что / чтобы...» в речи полпреда призваны подчеркнуть, что власть, которую он собой олицетворяет, не безликий механизм, а структура персонифицированная, заинтересованная в жизни людей, знающая, что для них ВАЖНО и что им нужно.

Специфично использование С.В. Кириенко личных местоимений Я – Мы и их форм. Большую часть этих употреблений можно распределить по нескольким группам в зависимости от целей, которые преследует говорящий:

1. Употребление местоимения *я* с целью подчеркнуть, что С.В. Кириенко – один из нас, просто отдельный человек со своим мнением,

частной жизнью и т.п.: «Наверное, главное, что праздник 4 ноября воспринимают как новый праздник. А для меня это скорее возвращение праздника»; «Мне кажется, что тогда...»; «Конечно. И я считаю, что в этом как раз и пример, который давало нам ополчение Минина и Пожарского...»; «Такой праздник нам нужен. Я уверен в этом»; «Я считаю, что это пример того, что есть цели, ради которых можно отбрасывать разногласия» («Маяк»).

2. Употребление местоимения *мы* (и притяжательного местоимения *наш*) как тактика создания целостного образа «Мы – жители Поволжья», тактика обозначения тождественности интересов С.В. Кириенко интересам жителей региона: «Кстати для нас, не удержусь, скажу, это особенно важно, потому что сам заказ этих автомобилей в основном придется на автомобильные заводы Поволжья. Для нас это особенно важно, дополнительные возможности для развития этих предприятий»; «И у нас теперь традиция, что губернатор получает на инаугурацию три символических подарка... Теперь это такая наша поволжская традиция»; «Но в этом празднике участвуют сегодня и мусульмане Поволжья. У нас действительно прошли большие мероприятия...»; «У нас ведь, кстати, все делегации, которые приехали в Нижний Новгород..., идут к людям, которым нужна помощь»; «...то в этот раз у нас праздник скорее связан с движением из Москвы в Нижний» («Маяк»).

3. Употребление местоимения *мы* = федеральная власть и ее представитель в регионе, полпред С. Кириенко (притяжательное местоимение *наш*): «Важнейшая работа, которую мы делаем вместе с руководителями регионов, это отбор заявок, их проверка на то, чтобы эта техника действительно была нужна»; «Боле того, по поручению Президента мы сейчас ведем работу...»; «Памятник Москва приготовила давно и готова была подарить Нижнему Новгороду, но мы понимали, что нельзя памятник перед разрушенным храмом, так не делается на Руси»; «Функции облегчаются, характер взаимоотношений [между федеральной властью и губернаторами – Т.Р.], я бы не сказал, что не меняется, пожалуй, он у нас последние несколько лет собственно, был характером сотрудничества...» (Там же).

Число употреблений личного местоимения *мы*, ассоциирующего фигуру полпреда как с федеральной властью, так и с региональной, примерно одинаково. Это в известной степени объясняется спецификой позиции полномочного представителя Президента РФ как некоего промежуточного властного звена между центром и регионами. Подобное осторожное балансирование наблюдается и является общим местом в речи многих региональных политиков, так или иначе зависящих от центра. Однако есть и особенность. В речи региональных политиков нередко упоминание Москвы в негативном контексте, а Приволжского региона – в позитивном, что является собой попытку декларировать самостоятельную, но зависимую от

федерального центра позицию. В речи же С.В. Кириенко, в силу специфики положения, которое он занимает (он – полномочный представитель Президента РФ в регионе, т.е. непосредственный носитель федеральной власти как более сильной по отношению к региональной), оппозиция «федеральный центр – Поволжье» всегда присутствует только в положительном контексте. Например: *«Собственно задачу для полпредов сформулировал Президент Российской Федерации. Она очень простая и понятная. Президент принял решение о выделении небывалых средств на социальные расходы...»; «Более того, по поручению Президента мы сейчас ведем работу, о том, что те функции федеральных органов на территории, которые можно отдать регионам, должны быть отданы регионам» («Маяк»): «Но ведь характерно, наверное, и то, что все это [ополчение Минина и Пожарского 1612 г. – Т.Р.] происходило в Нижнем Новгороде..., а речь шла о центре страны, о Москве. То есть казалось бы, о городе достаточно далеко от Нижнего».*

– (Кириенко): *«Правда. И в этом, наверное, целостность России. Мне кажется, что тогда, в 1612 году, россияне доказали свое право быть единой страной, единым государством»; «Это важнейший подарок для Нижнего Новгорода, на мой взгляд, это возврат Москвой, если хотите, долгов Нижнему Новгороду. Когда-то ополчение шло из Нижнего в Москву, а теперь качественная европейская дорога пришла из Москвы в Нижний Новгород» и др.*

Следует отметить, что С.В. Кириенко апеллирует к фактам истории с целью создания максимально позитивного восприятия оппозиции «Москва – Поволжье». В интервью он приводит и краткие исторические сведения о том, как нижегородцы Козьма Минин и Дмитрий Пожарский собрали ополчение для освобождения столицы и спасения российской государственности. Открытие реконструированной автотрассы Москва – Нижний Новгород трактуется в речи С.В. Кириенко как некое символическое действие, как возврат Москвой долгов Нижнему Новгороду.

Интересно рассмотреть ценностный аспект речи С.В. Кириенко, т.е. к каким образам, понятиям, аксиологемам, концептам он обращается в своих высказываниях, каким содержательным материалом он оперирует.

Речь С.В. Кириенко, как, наверное, и любого другого политика, прежде всего наполнена национально значимым содержанием. Это и образ Российской государственности; сильной, уверенной в себе центральной власти; образ многоконфессиональной России – единой семьи народов; образ героического прошлого нашей страны, ее великой истории (события 1612 г.); образ славы российского оружия. В свете этого содержания С.В. Кириенко предстает как истинный патриот, твердо верящий в величие России политик; его волнуют и проблемы региона, и проблемы страны в целом.

Основной речевой стратегией С.В. Кириенко является стратегия построения собственного политического имиджа. Из наиболее весомых тактик можно отметить следующие (см. примеры выше):

1. тактика акцентирования внимания на единстве целей федеральной и региональной власти – процветание России;

2. тактика кооперации с региональными политиками;

3. тактика пропаганды разумности и – в то же время – силы центральной власти;

4. тактика намека на невидимую мощь и силу центральной власти;

5. тактика создания видимости наведения порядка в соответствии с каким-то строгим, разумным планом;

6. тактика размежевания с разжигателями национальной розни;

7. тактика апеллирования к примерам истории в вопросах многоконфессиональности России и отношений центра и регионов;

8. тактика доверительной беседы, открытости, искренности.

Таким образом, особенности языковой личности С.В. Кириенко определяются, в первую очередь, спецификой занимаемой политиком должности (представитель федеральной власти в регионе) и спецификой самого региона (прежде всего – многоконфессиональность). Именно эти факторы определяют содержание высказываний С.В. Кириенко и форму их речевой презентации.

Судя по преобладанию категоричных утвердительных либо отрицательных предложений в речи С.В. Кириенко, ему присущ наступательный тип речевого поведения. Это языковая личность с доминирующей стратегией уяснения (С.В. Кириенко часто переспрашивает, уточняет предмет речи в форме вопроса), формулирует в речи комплекс своих оценочных суждений, предпочитает достичь своей цели имплицитно.

Языковой личности С.В. Кириенко присущи также такие характеристики, как дескриптивность (констатирует факты), клишированность (стереотипность), а также статика (речь не движется, ответы однообразны, С.В. Кириенко говорит об одном предмете речи, постоянно подводит к нему, даже если изначально был задан другой вопрос). Он умеет грамотно и плавно перейти с невыигрышной для освещения его имиджа темы на более выигрышную.

Исходя из тех или иных речевых показателей выстраивается психологическая структура данной личности. С.В. Кириенко – явный интроверт, хотя и отвечает на все вопросы журналистов, он не расположен к долговому общению, к встречным, дополнительным вопросам, нескритен, но осторожен в речи. Это сенсорный тип личности, так как любые выводы С.В. Кириенко – результат наблюдений. Он некреативен в речи. Сочетание всех доминирующих черт позволяет выявить некий психотип личности;